

Михаил Михеев (НИВЦ МГУ)

8.6.2014 Бекасово

***ДУШИ СИРЕНЕВАЯ ЦВЕТЬ... ИЛИ ПРОСТО
КАКАЯ-ТО ХРЕНЬ?***

**(БЕССУФФИКСАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В
ТЕКСТАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)**

в Примечании Пушкина к «Евгению Онегину»

(1833):

"Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ" (*Сказка о Бове Королевиче*). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипения* :

Он шип пустил по-змеиному. (*Древние русские стихотворения.*)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.

в этом примечании Пушкин как бы устанавливает знак равенства между нормативным и просторечным вариантами: *шипение – шип, хлопанье – хлоп*, что на самом деле сейчас не совсем одно и то же

а с другой стороны, он ссылается на древнюю «Сказку о Бове», т.е. берет словосочетание из нее с *молвью* и *топом* – как цитату, хотя в «Онегине» она у него без кавычек, но по сути, подчеркнутые ниже слова из нее уже в то время скорее были архаизмами, чем собственно просторечием:

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,

Людская молвь и конский топ!

Слова шип и хлоп – в значении процесса или действия – вместо слов шипение и хлопание

НО:

*можно сказать ?-шип сигареты вместо шипение, но невозможно *хлоп дверей или – окон (в значении ‘хлопание окон’)*

А еще ранее Пушкин в статье «Возражение на статью “Атенея”» (1828 или 1830) вначале цитируя своих критиков, им возражал:

“Как приятно будет читать роп вм[есто] ропот, топ вм[есто] топот” и проч. На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч. употребляются простолюдинами во многих русских губерниях – NB мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Наш объект – стилистически маркированные слова с нулевым суффиксом, которые в языке имеют стилистически нейтральные суффиксальные дублеты:

с одной стороны, с твердым согласным в конце корня, такие как *шипение* – *шип*, *согревание* – *согрев*, а с другой,

с мягким, такие как *песня* – *песнь*, *тишина* – *тишь*, *молва* – *молвь*...

(последнее слово тоже можно рассматривать как стилистически маркированный аналог, поэтический архаизм, с той же самой приблизительно семантикой (в словаре Даля *молвь* и толковалось попросту через ‘молва’)

Внутренняя речь героя Солженицына

Ивана Денисовича (1961):

Ой, лють там сегодня будет: двадцать семь с ветерком, ни укрыва, ни грева!

- слово *лють* (в значении лютость, зверство) встречалось и у А.Ремизова в 1920-е годы, и еще ранее, в середине XIX в., у Ф.Буслаева
- В своем словаре (**СРЯР**) Солженицын указывает *грев* и *грение* в качестве синонимов с общим значением 'нагревание, согревание, сообщение тепла', т.е. действие и состояние по глаголу *греть*

«Русский словарь языкового расширения»

Солженицына:

В нем была выборочно обследована приблизительно десятая часть, а именно слова на букву «О».

Среди них оказалось около 200

бессуффиксальных существительных – из которых 110 на твердый согласный (такие как: *обмóр* – ‘продолжит. сост-ие обмершего, похожее на смерть’; *оглáс* – д-е по гл. [*огласить*], *огласка*; *оглóд* – ‘объедала; голодный человек’; *óперед* – дейс-е по гл. *опередить*).

И – почти вдвое меньше, только 65, существительных на мягкий согласный (*óбъедь* ‘остатки еды, объедки’; *óдержь* ‘удерживание, придерживание’; *óпась* ‘опасение, опаска’; *óставь* – д-е по гл., оставляемая вещь).

Шолохов еще ранее в «Тихом Доне» активно использовал среди своих экспрессивных лексем бессуфиксальные слова 3 склонения:

белесь (2+1), бель (3), вызвездь (1), гнусь (2), голубень (1), добычь (0+1 – только в черновике), желтень (1), залежь (ед.ч.) (1), звень (1), калечь (1), картофель – ж.р. в черновике (2), кипень (1), киповень (1), марь (8), молодь (2), наволочь (1), немочь (2), непроглядь (3), непролазь (4), ободь – в значении ‘обод’ (1), пахоть (3), повитель (10) повить (1), полсть (21), помочь (4), прель (3), прожелтень (2), прозвездь (5), прозелень / сизозелень (8+1), промасть (1), расторопь (1), ребятёжь (1), ржавь (2), ровень (1), ростепель (7), росшивь (2), рыжевень / рыжевель (2), сколизь (3), стынь (4), супонь (2), сухмень (4), сырь (1), темь (4) толочь / сутолочь (1+1), усталь (8), хмарь (5), чернь / чёрнеть / исчернь (8+1+1).

Всего же таких «экспрессем» в романе ТД – более 50, или более 150 всех их употреблений, при средней частоте появления (если включить те, что остались только в черновых вариантах) – на каждой 6-й странице романа.

- Впрочем, и до Шолохова те же слова без суффикса с мягким конечным согласным активно вводил в свой поэтический язык Есенин:

*Цветы людей и в солнь и в стыть
Умеют ползать и ходить. (1924)*

У него, помимо вполне литературных – таких как *хмарь, крепь, гладь, темь, голь, смоль*, много еще и диалектных – таких как *выть* ('участок пашни, надел земли' - 1914), *хлюпь* (1914), *сырь* (1915), *хлябь* и *водь* (1919), *ржавь* (1920), *мреть* (1921), *цветь* (1924), *никь*, *опадь* (1925), *стынь* и *звень* (1925).

Уникальные слова описываемой модели
(только у Есенина) встречаем такие:

отглагольные:

от *трясти* → *трясь*; от *томить* → *томь*;

образованные усечением основы прилагательного
(непутевый → *не́путь*, окольный → *око́ль*,
удобный → *удобь*, яркий → *ярь*).

вполне возможным для него оказывается и
словообразование от имени существительного: от
береза – *бе́резь* (*Только видели березь да цветь –*
1924); от *полымя* – *полымь* (1917); от *воды* – *водь*
(1924), от *ягоды* – *ягодь*

Иногда, впрочем, и у Есенина слова не укорачиваются, а как раз удлиняются: вместо слова с нулевым суффиксом получается наращение, как с суффиксом *-ень*:

от *голубой* – *голубень*, от *мокрый* вместо обычных *мокротá* или *мокрая погода* – просторечное *мокрéнь* (а также *мо́креть*, *мокредь* или *мо́кресть*); или от *выбивать* – *вы́бень*, т.е. ‘нечто выбитое’; от *цвет* – *цвéтень*;

или от *желтый* – наряду с литературным *желтизна* – не только просторечно укороченное *желть*, но еще и «удлиненное» *жéлтень*; иногда с добавлением или заменой приставок (последнее слово вместе со словом *прóжелтень* – уже Шолоховские, правда, заимствованные им – или просто совпадающие со словечками Андрея Белого)

Наконец, возможна тут даже и вставка некоего квазисуффикса: как в просторечном производном от *жизнь* → *жизень* (!) Т.е. подобная стилизация могла сопровождаться как «укорочением» слова, так и его «удлинением»

- К интересующей нас группе слов нужно отнести и словечко городского просторечия XX века – *хрень*, очевидно производное от прилагательного *хреновый*, как бы вмещающее в себя смысл абстрактного существительного *хреновина*, которое, в первую очередь, конечно, просто эвфемизм
- Здесь же и словечко *жесть*, чрезвычайно распространившееся в молодежном жаргоне на месте слишком «культурных» слов – *жестокость*, *жестокосердие*, *жестоконравие*, – и потеснившее само слово *жесть* в его исконном значении, как ‘луженое листовое железо’.

Активизация образований подобного рода была характерна для начала XX в., особенно его 10-х (в поэзии) и 20-х годов (в прозе): ср. у А.Ремизова *кипь работы* (1917) или у С.Кржижановского – проступь (*лазури, улыбки*) (1924, 1925). У последнего находим и целую серию слов подобного рода, в разных текстах: вскипь – от *вскипать*; налепь (*афишного столба* – очевидно с ударением на первом слоге); просыпь (*снегопада*) (1929) итп.

Были также словечки типа *влажь, воль, лунь, хрупь, юнь* – у Игоря Северянина (вольно-сокращенно-манерные)

или у Василия Каменского – *бирюзовь, звучаль, зовь, изумрудь и раздоль.*

Итак, имеющая вполне законные традиции бессуффиксальная модель построения слова именно в первые десятилетия XX века делается повышенно востребованной и активно тиражируется (подчас доводится до самопародии)

перефразировав Пушкинское – *Из мелкой сволочи вербую рать*, Есенин, как известно, дерзко провозгласил (1920):

«Слова – это граждане, я их полководец, я веду их, мне очень нравятся слова неопределенные, я ставлю их в строй как новобранцев, сегодня они не указаны, а завтра будут в речевом строю такими же, как вся армия».

То же самое, по сути, «замутнение» исходного значения – но только не такое изящное, как в поэзии, а как бы намеренно огрубляющее, по-видимому, было необходимо и Шолохову.

Солженицын – скорее в стороне от этого пути, избрав для себя, в целях реанимации своего «живого великорусского» языка – экзотизмы другого рода, уже на твердый согласный (очевидно, именно для того чтобы не совпасть со своим политическим антагонистом, Шолоховым).

Так или иначе, мы видим, что и Есенин, и Шолохов (но последний – на десятилетие позднее) практикуют общий прием. Шолохов вполне мог почерпнуть его как из стихов, так и из прозы Есенина, творчество которого было ему близко по духу.

Соответствующие маркеры стиля как у первого (в прозаической повести «Яр», 1915), так и у второго, в романе «Тихий Дон» (1925-1940), можно рассматривать как серии слов, создающие «народный» колорит, при том что иногда лексика отходит от исходно родного авторам диалекта (у Есенина – от рязанского, у Шолохова – от донского), включая в себя просторечие и неологизмы, порождаемые обоими в духе некоего литературного сказа – Петра Ершова, Николая Лескова, Алексея Ремизова...

Спасибо за внимание